

Что же касается брака, то здесь он, судя по всему, уже давно поставил на себе крест: в конце концов, омега, изначально привыкший смотреть на всех свысока, абсолютно точно не мог выйти замуж за такого человека — даже за принца!

Ты что, не просматривал досье участников в этот раз? — Цянь Фэйфэй опустила голову, что-то потыкала на устройстве и вывела данные на экран для Чжоу Цзиня. — Какая жалость для такой красивой внешности.

Глядя на голограмму, которую вывел Цянь Фэйфэй, Чжоу Цзинь на мгновение почувствовал, будто открыл её как-то не так, но, заметив выражения лиц Антре и Цянь Фэйфэй, всё же проглотил удивление. Хотя выражение лица на том снимке кардинально отличалось от того, что запечатлелось в его памяти, и всем своим видом кричало: «Я мажор, и я горжусь этим!», Чжоу Цзинь всё же узнал его с первого взгляда.

Товарищ Сан Ци, а неплохая у тебя игра.

Когда Олдрич появился в зале, все присутствующие почувствовали, будто их ослепило вспышкой: толстая золотая цепь толщиной в два человеческих пальца красовалась у него на шее, ярко переливаясь на фоне стандартного черного костюма-тройки и буквально режа глаза. Опустив взгляд ниже, можно было заметить на коленях брюк от костюма превосходного кроя и качества... две прорехи!

Хьюберт Лорин, судя по всему, возлагал все свои надежды на этот фестиваль Сорочьего моста, отчаянно уповая на то, что «дурная слава» его младшего сына не докатилась до Федераций, либо же надеясь на какую-нибудь ослепшую омегу. Короче говоря, кнутом и пряником он отобрал у Олдрича всю эту нелепую одежду, угрозами и лестью заставил его облачиться в строгий костюм и даже специально распорядился, чтобы Олдричу поправили прическу, надеясь заполучить для него невесту благодаря единственному достоинству Олдрича — его внешности.

Кто бы мог подумать, что перед самым входом Олдрич извлечет из пространственного кольца золотую цепь и вдобавок порвет брюки, на корню разрушив все надежды Хьюберта. Когда стражник, отвечавший за надзор за Олдричем, отправил видео с места событий, старый Лорин чуть не изbleвал кровь прямо на экран.

Этот образ выглядел донельзя радикально: омеги, заходившие в зал, не могли не заметить имперского второго принца, который нагло стоял посредине, а в радиусе десяти метров от него не было ни души. Руки он засунул в карманы брюк, пуговицы костюма расстегнул, на черной майке сияла массивная золотая цепь, а правая нога время от времени нервно подергивалась, и через прорехи на коленях проглядывала кожа.

Его вульгарный вид заставлял каждого невольно хмуриться. Самым сдержанным оказался лишь Чжоу Цзинь: не удержавшись от любопытного взгляда, он тут же отвел глаза и направился прямо в угол.

До чего же жутко, — тихо произнес Антре, обращаясь к Чжоу Цзиню. — Что вообще творится в Империи? Почему они воспитывают принцев с таким вкусом?

Чжоу Цзинь успокоил его: Ничего страшного, в конце концов, после сегодняшнего дня мы с ним вряд ли увидимся. Империя же не может позволять ему позориться каждый раз.

И то верно... — Антре вдруг широко раскрыл глаза и испуганно произнес: — Ой, мамочки! Он идет сюда! Только не говори, что он направляется к тебе!

Чжоу Цзинь скосил глаза, глядя на человека, который уверенно шагал к нему, размахивая золотой цепью во всю мощь, и одарил Антре успокаивающей улыбкой.

Олдрич и впрямь не хотел идти сюда, однако этот болван на корабле всё не унимался, подначивая его и заявляя, что федеративец Чжоу Цзинь ни за что не обратит внимания на такую персону, да еще и побился об заклад с окружающими прямо при нем. Учитывая его дурную славу, никто не уважал его как принца, и желающих сделать ставку нашлось немало.

Если бы он отказался от вызова, это было бы совсем не в стиле Олдрича, поэтому под всеобщие провокации ему пришлось стиснуть зубы и отправиться трепать нервы Чжоу Цзиню.

Встретившись взглядом с Чжоу Цзинем, который смотрел прямо на него, Олдрич в душе надеялся: а вдруг тот его не узнает? Но стоило этой мысли промелькнуть в голове, как накатила странная волна разочарования — что это ещё за чувство?

Господин Чжоу Цзинь, я второй принц Оландийской империи, меня зовут Олдрич Лорин.

Чжоу Цзинь едва не вышел из роли из-за того, с каким видом победителя по жизни вещал этот тип — мол, я такой крутой, ты должен это понимать, так что давай быстрее падай на колени и лижи пятки. Такая убогая показуха: когда он сам играл роль Сан Ци, его актерское мастерство превосходило нынешнее как минимум на целую галактику.

Как только тот приблизился, Чжоу Цзинь отступил на шаг назад, после чего уставился на его массивную золотую цепь, слегка втянув грудь и чуть сжав плечи. Сдержанно, оборонительно и вежливо он произнес: Здравствуйте.

Олдрич сделал широкий шаг вперед: Мы можем станцевать первый танец вместе?

...Я...

Тогда давайте танцевать, — Олдрич бесцеремонно прервал его и сам принял решение.

Загнанный в угол Чжоу Цзинь отступал шаг за шагом; его невинные глаза вдруг испуганно

поднялись, бросив быстрый и короткий взгляд на зевак в центре зала, после чего он снова поспешно опустил голову, выглядя так, будто его напрочь испугал буйный нрав собеседника.

Несколько федеративцев тут же собрались подойти, чтобы выручить Чжоу Цзиня, однако аура Олдрича, развернутая на полную мощность, накрыла всех присутствующих. Это было одной из самых презираемых его черт в Империи: когда в пятилетнем возрасте его первое тестирование показало уровень духовной силы класса S, вся Империя ликовала.

Это был первый случай за несколько сотен лет, и даже Федерация тогда проявила интерес. Все питали надежды, желая увидеть, каких высот достигнет этот несравненный гений, — возможно, он даже выведет человечество в новую эру. Результат оказался очевиден: чем больше надежд, тем сильнее разочарование.

Этот гений абсолютно не ценил свой дар, растрачивая все преимущества на любовные интрижки. Несколько альф, пытавшихся подойти ближе, были полностью подавлены его мощнейшими феромонами, да и окружающие омеги тоже испугались и задрожали.

Подобные схватки с использованием одних лишь феромонов на фестивале Сорочьего моста разрешались — в конце концов, это был один из способов ухаживания альф за омегами. Пока никто не пускал в ход кулаки, стража обычно не вмешивалась. Тем более что Олдрич был вторым принцем Империи: хоть репутация у него и хромала, видимость приличий соблюдать приходилось.

Позволив присутствующим сполна прочувствовать всю прелесть духовной силы класса S, Олдрич самодовольно бросил Чжоу Цзиню: Прошу.

Стоявший ближе всех Чжоу Цзинь, вне всяких сомнений, оказался в эпицентре бури. Не сопротивляясь, он послушно положил руку поверх руки Олдрича, позволив тому увести себя в центр танцпола.

Даже среди омег Чжоу Цзинь обладал стройной фигурой, но рядом с таким альфой, как Олдрич, он казался совсем хрупким. Слегка опустив голову, Олдрич мог видеть полоску обнаженной белой кожи на его затылке.

Олдрич невольно вспомнил ту заброшенную рудную планету, где он тогда попытался осторожно коснуться этого места. Хотя в тот момент он ни о чем таком не думал, сейчас он отчетливо помнил, что кожа там была невероятно гладкой и нежной, превосходя даже лучший агар-агар. Олдрич вдруг почувствовал легкую жажду, слегка приоткрыл рот, и где-то внутри него зазвучал зов — так и хотелось впиться зубами в это место, проткнуть нежную кожу клыками и распробовать сладкий вкус собеседника.

На танцполе не было никого, кроме Олдрича и Чжоу Цзиня — это побило абсолютный антирекорд за всю историю проведения фестиваля Сорочьего моста, и превзойти его в будущем уже вряд ли удастся. Ничего не попишешь: властные феромоны Олдрича по-прежнему заполняли весь зал, причем после экватора танцевальной мелодии они явно начали

усиливаться.

Немаркированные омеги совершенно не могли сопротивляться столь давящим феромонам — инстинкты заставляли их нервничать, да и к тому же перед лицом столь мощного противника некоторые выдающиеся альфы пытались оказать сопротивление. Атмосфера феромонов на площадке еще никогда не была столь хаотичной.

Первый совместный фестиваль Сорочьего моста Федерации и Империи выдался просто из рук вон отвратительным.

Изначально Олдрич планировал потанцевать с Чжоу Цзинем всего один танец, а затем вернуться, чтобы потрепать нервы тем, кто сделал ставки, заодно подпортив свою дурную репутацию еще сильнее. Но, сжав руку Чжоу Цзиня и ощущая мягкость его кожи под кончиками пальцев, он понял, что отпустить его прямо сейчас — задача, непосильная для обычного человека.

Он крепко держал Чжоу Цзиня за руку и вел его к столу с угощениями, где были аккуратно расставлены всевозможные закуски: Проголодался? Хочешь чего-нибудь перекусить?

Чжоу Цзинь едва дышал и медленно покачал головой.

Олдрич проявил редкую заботу: Тогда фруктов?

Чжоу Цзинь просто промолчал, стараясь свести свое присутствие к минимуму, и это заставило сердце Олдрича защемить от бесконечной жалости. Передумав, он взял жемчужный фрукт и сунул его прямо в руку Чжоу Цзиню.

Однако стоило ему снова перехватить руку Чжоу Цзиня, как какой-то холодный и твердый предмет скользнул в рукав его костюма и уперся ему в запястье. Чжоу Цзинь медленно поднял голову: Господин Сан Ци, давно не виделись.

Выражение его лица всё еще оставалось застенчивым и робким, но голос звучал леденяще.

Олдрич: ...Кто такой Сан Ци?

Выражение лица Чжоу Цзиня не изменилось, а в голосе сквозила сплошная угроза — чистое раздвоение личности: О, не помнишь? Ничего страшного. Не знаю, помнишь ли ты того потерявшего сознание альфу, но господин Сан Ци очень хочет узнать, как мне это удалось. Скоро ты сможешь прочувствовать это на собственной шкуре.

Олдрич почувствовал, как этот холодный и острый предмет с силой прижало к его запястью — казалось, он вот-вот проткнет кожу.

Он бросил притворяться и поспешно перешел к самоспасению: Если я упаду здесь в обморок, как ты потом будешь объясняться?

Кто знает? В конце концов, второй принц столько лет вел разгульный образ жизни, выпустил столько феромонов и рухнул от истощения — вполне вероятный сценарий. — Закончив говорить, Чжоу Цзинь одарил его сладкой улыбкой.

Олдрич на мгновение лишился дар речи. И правда, даже если в ходе проверки обнаружится проблема, никто и не подумает подозревать Чжоу Цзиня. Если не слышать его слов, то прямо сейчас Чжоу Цзинь выглядел сущим ангелом, особенно когда, запрокинув голову, вглядывался в него — со стороны казалось, будто Чжоу Цзинь просто восхищается им, и никому бы в голову не пришло, что этот человек угрожает альфе.

И что же ты хочешь от меня?

Держись от меня подальше.

Сердце Олдрича беспричинно ухнуло вниз: такое откровенное презрение сильно било по самолюбию альфы. Он уже хотел было возразить пару слов, но ощущение металлического острия на запястье стало еще отчетливее. Олдричу пришлось медленно отступить: Ладно, ладно, только не нервничай.

Со стороны казалось, будто Олдрич настойчиво преследовал парня, а потом его лицо вдруг безо всякой видимой причины помрачнело, после чего он развернулся и ушел, оставив растерянного Чжоу Цзиня стоять в одиночестве.

Ах ты ж чертов гуляка, у него что, и впрямь не все дома?!

Олдрич кипел от злости, и его беспричинная ярость без утайки отражалась на лице. По сравнению с невинным выражением Чжоу Цзиня это заставляло окружающих думать, что этот мажор совершенно не умеет себя вести — боги знают, каких усилий стоило Олдричу не сблевать кровью от досады, ведь то, что давило на его запястье и чем он так грозно щеголял, казалось ему каким-то навороченным гаджетом, а оказалось обычной серебряной зубочисткой для фруктов со стола с угощениями!

Обманщик! Можно ли вообще верить хоть единому слову из уст этой омеги? Свирепо окинув взглядом окрестности, он решил задать хорошую взбучку тому болвану, который подбил его на этот спор.

Антре спустя долгое время робко подошел к нему: Чжоу Цзинь, Чжоу Цзинь, ты в порядке?

Чжоу Цзинь изобразил затаенный страх: Угу.

Антре замялся: Почему это он вдруг ушел?

Ну... — Чжоу Цзинь виновато посмотрел на него. — Я просто посоветовал ему, что золотая цепь совсем не сочетается со строгим костюмом.

Ты же из лучших побуждений! С чего это он вдруг так разозлился? — Антре переглянулся с Чжоу Цзинем, а затем вздохнул: — Слухи и правда не врут ни на йоту. Какая жалость для его таланта.

Чжоу Цзинь, ты главное не принимай близко к сердцу, с таким типом и связываться не стоит, — поддержали его подбежавшие омеги.

Я в порядке, просто размышляю, не слишком ли бестактно я поступил. В конце концов, вопрос вкуса — это ведь тоже...

Ладно тебе, Чжоу Цзинь, — прервала его Цянь Фэйфэй. — Ты слишком мягкосердечен, вечно думаешь о других, но надо же смотреть, заслуживает ли этот человек хоть чего-то.

Омеги постепенно сбились в кучу, утешая Чжоу Цзиня, в то время как полные надежд граждане Оландийской империи, прибывшие на фестиваль Сорочьего моста в приподнятом настроении, ушли ни с чем. Первая в истории совместная ярмарка невест с участием Империи бесславно завершилась.

Когда Хьюберт Лорин снова связался по связи с Тан Хэмином, выражение его лица было весьма сложным. Он вложил огромную сумму денег в Федерацию, но в итоге не получил ни единой омеги, а судя по оперативным данным с места событий, если не считать его драгоценного сыночка, имперские альфы практически не смогли завязать разговор ни с одной омегой.

Но он не мог выплеснуть накопившуюся злость — в конце концов, ему всё еще нужно было зависеть от Тан Хэмина. Выложить кучу денег и при этом вести себя как мальчик на побегушках — хуже участи и не придумаешь.

Тан Хэмин прокашлялся: Хьюберт, насчет фестиваля Сорочьего моста...

Старый Лорин выдал улыбку, стараясь выглядеть предельно великодушно: Да ничего страшного, ничего страшного. В конце концов, это же в первый раз, уверен, дальше будет только лучше.

Тан Хэмин, у которого и до этого извинения были не особо искренними, тут же напрягся: вложенных Лорином денег было более чем достаточно, и их сумма уж точно не оправдывала его нынешнюю уступчивость.

Тут такое дело: хорошее начало мы всё же положили. Тот парень, Чжоу Цзинь, по-моему, просто великолепен, — Лорин быстро развеял сомнения Тан Хэмина, и подтекст этого заявления был более чем очевиден.

Тан Хэмин прекрасно помнил всё «великолепие» той ночи на фестивале, и поведение Чжоу Цзиня было совершенно несовместимо с понятием «проявляет интерес к Олдричу».

Тан Хэмин невольно скрестил руки на груди и, сдерживая терпение, произнес: Лорин, надеюсь, твои требования не таковы, какими мне кажутся.

Я бы хотел, чтобы создали какие-нибудь возможности для более тесного общения Чжоу Цзиня и Олдрича.

Бесстыдство...

Тан Хэмин не удержался и скорчил брезгливую гримасу: Ты досе Чжоу Цзиня вообще читал? Альфы, желающие взять его в жены, выстроились бы длинной вереницей от созвездия Жирафа до Большой Медведицы. Может, посоветуешь второму принцу сменить цель?

С какой стороны ни посмотри, даже ослепни Чжоу Цзинь, он бы не выбрал Олдрича — желающих разбить друг другу головы за него и так хватает, а с характером Олдрича ему в следующей жизни ничего не светит.

На лице Лорина промелькнуло редкое выражение неловкости: Я знаю, поэтому нам просто нужно, чтобы вы создали парочку возможностей. Возможно, когда таких шансов станет больше, Чжоу Цзинь разглядит в Олдриче что-то хорошее.

Фраза «чушь собачья» так и норовила сорваться с губ Тан Хэмина. Создавать возможности для общения альфы и омеги? Тогда уж проще сразу связать омегу и отправить ему.

Я готов доплатить пятьдесят миллионов межзвездных кредитов от своего личного имени.

Тан Хэмин: ...

Брат Хэмин, это же первый раз за столько лет, когда Олдрич проявил интерес к омеге, и я, как отец, просто обязан ему помочь.

Тан Хэмин съязвил: А разве ты мало помогал своему драгоценному сыночку?

Но ведь Олдрич — гений с двойной S-силой духовной энергии!

Тан Хэмин прервал его: Да-да, конечно же. На фестивале Сорочьего моста этот гений уже вовсю продемонстрировал свои выдающиеся таланты, а помимо этого у него, кажется, и заслуг-то никаких нет.

Это была больная мозоль Лорина, и император Империи, правивший уже около ста семидесяти лет, выглядел несколько беспомощным. Собравшись с духом, он продолжил торговаться с Тан Хэмином: Я знаю, ты хочешь сказать, что я богат, как выскочка, и страдаю шовинизмом, пытаюсь забросать всех деньгами. Но, Тан Хэмин, если посмотреть на это с другой стороны: только пара из альфы и омеги способна произвести на свет альфу. Чжоу Цзинь во всех аспектах, включая медицинские показатели, является лучшим среди омег. Представь их потомство, если объединить стольких выдающихся людей.

Тан Хэмин смотрел на голограмму Лорина, на которой тот впери́л в него полный надежды взгляд: Духовная сила Олдрича — это две буквы S! Подумай сам: пусть Олдрич и ведет себя из рук вон плохо, но по крайней мере у нас есть его будущее поколение.

Ты что, решил отказаться от сына и сразу переключиться на внуков?

Брат Хэмин, подумай: ребенок, зачатый совместно Федерацией и Империей, ребенок с двойной S-силой духовной энергии. Даже если ты просто слегка вообразишь это, неужели не почувствуешь предвкушение?

Стоит признать, Лорин был мастером убеждения — по крайней мере, услышав про ребенка с двойной S-силой духовной силы, Тан Хэмин дрогнул.

Да даже ребенок с тройной S-силой тебе не поможет, ты только взгляни на Олдрича, — Тан Хэмин безжалостно ткнул пальцем в суровую реальность, ведь эту живую надежду уже успели испортить воспитанием.

Лорин понял, что собеседник дал слабинку, и продолжил наседа́ть: Мы сможем обсудить вопрос о том, кому достанется этот ребенок, когда придет время. Но если мы не создадим возможностей, то всё останется лишь пустыми мечтами.

Тан Хэмин немного помедлил: Мне всё же нужно узнать мнение Чжоу Хэ. По сравнению с его изначальным жестким отказом, теперь такая неопределенная позиция давала Лорину надежду.

Жду от тебя хороших новостей. Ради будущего человечества.

Не говоря больше ни слова, Тан Хэмин сбросил вызов.

Чжоу Хэ провел всю ночь на сборах, а ранним утром Тан Хэмин вызвал его к себе в кабинет. Услышав слова Тан Хэмина, он подумал, что у него галлюцинации: Мне что, снова нужно

пройти процедуру активации клеток?

Тан Хэмин слегка смутился.

Двойная S? Да этот Олдрич? — Чжоу Хэ задействовал весь свой столетний запас самообладания, чтобы не закатить глаза прямо перед Тан Хэмином. Да мой Чжоу Цзинь вообще-то прибор взорвал своей силой! Однако об этом нельзя было говорить: тогда, после инцидента, семья Чжоу предпочла всё скрыть, не желая, чтобы Чжоу Цзиня использовали в качестве подопытного.

Я категорически против. Федерация дала омегам право свободного выбора, и у Чжоу Цзиня должно быть собственное мнение, никто не имеет права вмешиваться.

Высказавшись, Чжоу Хэ поднялся с решительным видом, не оставляя Тан Хэмину ни малейшего шанса на отступление. Поначалу Чжоу Хэ думал, что на этом всё и закончится: семья Чжоу годами пускала корни в Федерации, их заслуги были велики, а Тан Хэмин — далеко не глупец, ослепленный жадой наживы, так что Чжоу Хэ не боялся, что тот наломает дров.

Однако реальность оказалась совершенно иной. Чжоу Хэ уже говорил Чжоу Цзиню, что семье Чжоу вовсе не нужно династийное замужество для укрепления своего статуса, но, судя по всему, другие семьи так не считали. Чжоу Цзинь с самого детства был выдающейся личностью, за ним следило слишком много глаз, но он осторожно дождался до сегодняшнего дня, не совершив ни единой ошибки, и разумеется, нашлось немало тех, кто не желал, чтобы он нашел себе слишком хорошего альфу.

Проявившееся на фестивале Сорочьего моста настойчивое ухаживание Олдрича за Чжоу Цзинем разлетелось по созвездиям Жирафа и Большой Медведицы в виде сплетен, и на следующий день Чжоу Хэ снова вызвали к Тан Хэмину. Все, кто пристально следил за семьей Чжоу, несомненно, уловили нотки ситуации, которую можно использовать в своих интересах.

Лу Чжэнхань с грохотом захлопнул видеоэкран и гневно выпалил: Какая еще искренность, полный бред! Неужели Чжоу Цзинь должен связать свою жизнь с этим скомпрометировавшим себя Олдричем? С каких пор Федерация стала такой слабохарактерной?! Чжоу Цзинь, смотри мне, даже не вздумай вестись на их уловки.

Усевшись на пол в сборочной с контейнером для еды в руках, Чжоу Цзинь проглотил кусочек и только после этого произнес: У меня всё под контролем, не переживай.

Его комникатор завибрировал — это был Чжоу Хэ, который практически никогда не выходил с ним на связь по собственной инициативе. Сообщение оказалось предельно кратким: приказано было явиться домой на выходных. Неужели домочадцы тоже не выдержали? С невозмутимым выражением лица Чжоу Цзинь выключил коммуникатор и доел остатки обеда.